

Избранные стихотворения П. А. Вяземского (1810–1820-е гг.)

* * * («Спасителя рождением...»)	2
Весеннее утро	6
Поэтический венок Шутовского	6
Доведь	8
* * * («Иссохлось бы перо твое бесплодно...»)	9
Толстому	9
Петербург	11
Первый снег	14
Уныние	16
Послание к <Тургеневу> с пирогом	18
Негодование	20
* * * («Во имя хартии, свободы...»)	24
Нарвский водопад	25
Море	26
Русский бог	29
К ним	30

*** * * («Спасителя рождением...»)**

Спасителя рождением
Встревожился народ;
К малютке с поздравленьем
Пустился всякий сброд:
Монахи, рифмачи, прелестники, вельможи -
Иной пешком, другой в санях;
Дитя глядит на них в слезах
И вопит: "Что за рожи!"

Совет наш именитый,
И в лентах и в звездах,
Приходит с шумной свитой -
Малютку пронял страх.
"Не бойся, - говорят, - сиди себе в покое,
Не обижаем никого,
Мы, право, право, ничего,
Хоть нас число большое!"

Наш Неккер, запыхаясь,
Спасителю сквозь слез,
У ног его валяясь,
Молитву произнес:
"Мой боже, сотвори ты в нашу пользу чудо!
Оно тебе как плюнуть раз,
А без него, боюсь, у нас
Финансам будет худо!"

Склонись на просьбу нашу.
Рука твоя легка,
А для тебя я кашу
Начну варить пока.
О мастерстве моем уже здесь всякий сведал,
Я кашу лучше всех варю,
И с той поры, как взят к царю,
Я только то и делал".

Сподвижник знаменитый
Его достойных дел,
Румянами покрытый,
К Марии вдруг подсел.
Он говорит: "Себе подобного не знаю,
Военным был средь мирных лет,
Теперь, когда торговли нет,
Торговлей управляю!"

Пронырливый от века

Сибирский лилипут,
Образчик человека,
Явился Пестель тут.

"Что правит бог с небес землей - ни в грош не ставлю;
Диви, пожалуй, он глупцов,
Сибирь и сам с Невы берегов
И правлю я, и граблю!"

К Христу на новоселье
Несет министр овец,
Российское изделие,
Суконный образец!

"Я знаю, - говорит, - сукно мое дрянное,
Но ты носи, любя меня,
И в "Северной" о друге я
Скажу словцо-другое!"

Вдруг слышен шум у входа:
Березинский герой
Кричит толпе народа:
"Раздвиньтесь: я герой!"

- "Пропустимте его, - вдруг каждый повторяет, -
Держать его грешно бы нам,
Мы знаем: он других и сам
Охотно пропускает!"

Украшенный венками,
Приходит Витгенштейн,
Герою рифмачами
Давно приписан Рейн!

Он говорит: "Бог весть, как с вами очутился,
Летел я к славе налегке,
Летел, летел с мечом в руке,
Но с Люцена я сбился!"

Нос кверху вздернув гордо
И нюхая табак,
Столп государства твердый,
А просто - злой дурак!

Подводит из Москвы полиции когорту;
Христос, ему отбривши спесь,
Сказал: "Тебе не место здесь, -
Ты убирайся к черту".

Захаров пресловутый,
Присяжный славянин,
Оратор наш надутый,
Беседы исполин,

Марии говорит: "Не занят я житейским,
Пишу наитием благим,
И всё не языком людским,
А самым уж библейским!"

Дородный Карабанов
Младенцу на досуг
Выносит из карманов
Стихов тяжелых пук.
Тот смотрит на него и рвется из пеленок,

Но, хорошенько рассмотрев,
Сказал: "Наш разживает хлев,
К ослу пришел теленок!"

С поэмою холодной
Студеный Шаховской
Приходит в час свободный
Читать акафист свой.
При первых двух стихах дитя прилег головкой.
"Спасибо! - дева говорит. -
Читай, читай, смотри, как спит,
Баюкаешь ты ловко!"

К Христу оратор новый
Подходит, Филарет:
"К услугам вам готовый,
Аз невский Боссюэт!
Мне, право, никогда быть умником не снилось,
Но тот шепнул, другой сказал,
И, что я в умники попал,
Нечаянно случилось!"

К Марии благодатной
Растрепанный бежит
Кликушка князь Шахматный,
Бьет об грудь и визжит:
"Святая! Будь мне щит, я вовсе погибаю;
Лукавый смысл мой помрачил,
Шишковым я испорчен был,
Очисти! Умоляю!"

Хвостовы пред малюткой
Друг с другом входят в бой;
Один с старинной шуткой,
С мешком стихов другой.
Один кричит: "Словцо!" Другой мяучит: "Ода!"
Малютка, их прослуша вздор,

Сказал, возвыся к небу взор:
"Несчастливая порода!"

За ними пара Львовых
Выходит из толпы,
Беседы стен Петровых
Надежные столпы.

Прослушавши Христос приветствие их длинно
И смеря с ног до головы,
"Уж не Хвостовы ли и вы?" -
Спросил он их невинно.

Трактат о воспитанье
Приносит новый Локк:
"В малютке при старанье,
Поверьте, будет прок.

Отдайте мне его, могу на Нижний смело
Сослаться об уме своем.
В Гишпанье, не таюсь грехом,
Совсем другое дело!

Горация на шею
Себе я навязал, -
Я мало разумею,
Но много прочитал!

Малютку рад учить всем лексиконам в мире,
Но математике никак,
Боюсь, докажет - я дурак,
Как дважды два четыре!"

К Марии с извиненьем
Подкрался Горчаков,
Удобривая чтеньем
Похвальных ей стихов.

Она ему в ответ: "Прошу, не извиняйся!
Я знаю, ты ругал меня,
Ругай и впредь, позволю я,
Но только убирайся!"

Беседы сын отважный,
Пегаса коновал,
Еров злодей присяжный,
Языков тут сказал:

"Колена преклоня, молю я Иисуса:
Храни, спаси нас от еров,
Как я спасаюсь от чтецов,
От смысла и от вкуса",

1814

Весеннее утро

По зыбким, белым облакам
Горят пылающие розы;
Денницы утренние слезы
Блестят, как жемчуг, по лугам,
И с пышной липы и березы
Душистый веет фимиам!

Разлитое струями злато
Волнуется на теме гор;
Садов богини верный двор,
Зефиров легких рой крылатый
Летит на сотканный ковер
Рукою Флоры тароватой!

Настал любви условный час,
Час упоений, час желаний;
Спи, Аргус, под крылом мечтаний!
Не открывай, ревнивец, глаз!
Красавицы! Звезда свиданий,
Звезда Венеры будит вас!

Оставь ты одр уединенный,
Услышь, о Дафна, друга зов,
Накинь свой утренний покров
И матери непробужденной
Оставь неблагосклонный кров,
Восторгами не освященный!

Приди ко мне! Нас в рощах ждет
Под сень таинственного свода
Теперь и нега, и свобода!
Птиц ожил хор и шепот вод,
И для любви сама природа
От сна, о Дафна, восстает!

1815

Поэтический венок Шутовского

поднесенный ему раз навсегда за многие подвиги

В комедиях, сатирах Шутовского
Находим мы веселость словаря,
Затейливость месящеслова
И соль и едкость букваря.

2

Напрасно, Шутовской, ты отдыха не знаешь,
За неудачами от неудач спешишь;
Комедией друзей ты плакать заставляешь,
Трагедией ты зрителя смешишь.

3

Когда затейливым пером
Забавник Шутовской, шутя, соседов ссорил,
Сам не на шутку он, бог весть за что, повздорил
С партером, вкусом и умом.

4

"Коварный", "Новый Стерн" - пигмеи!
Они незрелый плод творца,
Но "Полубарские затеи" -
Затеи полного глупца.

5

Напрасно говорят, что грешника черты
Доносят нам, как он раскаяньем замучен;
Смотрите, как румян и тучен
Убийца сироты! {*}
{* Объяснимся: Китайской.}

6

К ПЕРЕВОДЧИКУ "КИТАЙСКОЙ СИРОТЫ"

Вольтер нас трогает "Китайской сиротой"
И тем весельчаков заслуживает пени;
Ко слезы превратил в забаву Шутовской:
Он из трагедии удачною рукой
Китайские поделал тени.

7

С какою легкостью свободной

Играешь ты в стихах природой и собой,
Ты в "Шубах" Шутовской холодный,
В "Водах" ты Шутовской сухой.

8

Когда при свисте кресл, партера и райка
Торжественно сошел со сцены твой "Коварный",
Вини себя и впредь готовься не слегка.
Ты выбрал для себя предмет неблагодарный:
Тебе ли рисовать коварного портрет!
Чистосердечен ты, в тебе коварства нет.
И каждый, кто прочтет твоих трудов собранье
Или послушает тебя минуты две,
Увидит, как насквозь: в душе вредить желанье
И неспособность в голове.

9

ЦЕЛИТЕЛЬНЫЕ ВОДЫ

"Каков ты?" - "Что-то всё не спится,
Хоть пью лекарства по ночам".
- "Чтоб от бессонницы лечиться,
Отправься к Липецким водам".

"Каков ты?" - "Пламя потаенно
Жжет кровь мою назло врачам".
- "Чтоб исцелиться совершенно,
Отправься к Липецким водам".

Сентябрь - ноябрь 1815

Доведь

Попавшись в доведи на шашечной доске,
Зазналась шашка пред другими,
Забыв, что из одной она и кости с ними
И на одном сработана станке.
Игрок по прихоти сменил ее другою
И продолжал игру, не думая о ней.

При счастье чванство впрок бывает у людей;
Но что, скажите, в нем, как счастье к нам спиною?

О доведи-временщики
На шахматном паркете!
Не забывайте, что на свете

Игрушки царской вы руки.

Январь - февраль 1817

*** * * («Иссохлось бы перо твое бесплодно...»)**

Иссохлось бы перо твое бесплодно,
Засухою скончались бы листы,
Но помогать бедам искусству сродно:
В желчь зависти перо обмокнешь ты -
И сызнава на месяц-два свободно
С него польются клеветы.

1818

Толстому

Американец и цыган,
На свете нравственном загадка,
Которого, как лихорадка,
Мятежных склонностей дурман
Или страстей кипящих схватка
Всегда из края мечет в край,
Из рая в ад, из ада в ран!
Которого душа есть пламень,
А ум - холодный эгоист;
Под бурей рока - твердый камень!
В волненье страсти - легкий лист!
Куда ж меня нелегкий тащит
И мой раздутый стих таращит,
Как стих того торговца од,
Который на осьмушку смысла
Пуд слов с прибавкой выдает?
Здесь муза брода не найдет:
Она над бездною повисла.
Как ей спуститься без хлопот
И как, не дав толчка рассудку
И не споткнувшись на пути,
От нравственных стихов сойти
Прямой дорогою к желудку?
Но, впрочем, я слышал не раз,
Что наш желудок - чувств властитель
И помышлений всех запас.
Поэт, политик, победитель -
Все от него успеха ждут:

Судьба народов им решится;
В желудке пища не сварится -
И не созреет славный труд;
Министр объелся: сквозь дремоту
Секретаря прочел работу -
И гибель царства подписал.
Тот натошак бессмертья ищет,
Но он за драмой в зубы свищет -
И свет поэта освистал.
К тому же любопытным ухом
Умеешь всем речам внимать;
И если возвышенным духом
Подчас ты унижаешь знать,
Зато ты граф природный брюхом
И всем сиятельным под стать!
Ты знаешь цену Кондильяку,
В Вольтере любишь шуток дар
И платишь сердцем дань Жан-Жаку,
Но хуже ль лучших наших бар
Ценить умеешь кулебяку
И жирной стерляди развар?
Ну, слава богу! Пусть с дороги
Стихомаранья лютый бес
Кидал меня то в ров, то в лес,
Но я, хоть поизбивши ноги,
До цели наконец долез.
О кухне речь - о знаменитый
Обжор властитель, друг и бог!
О, если, сочный и упитый,
Достойным быть мой стих бы мог
Твоей щедроты плодovitой!
Приправь и разогрей мой слог,
Пусть будет он, тебе угодный,
Душист, как с трюфлями пирог,
И вкусен, как каплун дородный!
Прочь Феб! и двор его голодный!
Я не прошу себе венка:
Меня не взманит лавр бесплодный!
Слепого случая рука
Пусть ставит на показ народный
Зажиточного дурака -
Проситься в дураки не буду!
Я не прошусь закинуть уду
В колодезь к истине сухой:
Ложь лучше истины иной!
Я не прошу у благодати
Втереть меня к библейской знати
И по кресту вести к крестам, {*

Ни ко двору, ни к небесам.
Просить себе того-другого
С поклонами я не спешу:
Мне нужен повар - от Толстого
Я только повару прошу!

19 октября 1818
Варшава

{* Смотри Лабзина. }

Петербург

Я вижу град Петров чудесный, величавый,
По манию Петра воздвигшийся из блат,
Наследный памятник его могушей славы,
Потомками его украшенный стократ!
Повсюду зрю следы великия державы,
И русской славою след каждый озарен.
Се Петр, еще живый в меди красноречивой!
Под ним полтавский конь, предтеча горделивый
Штыков сверкающих и веющих знамен.
Он царствует еще над созданным им градом,
Приосеня его державною рукой,
Народной чести страж и злобе страх немой.
Пускай враги дерзнут, вооружаясь адом,
Нести к твоим брегам кровавый меч войны,
Герой! Ты отразишь их неподвижным взглядом,
Готовый пасть на них с отважной крутизны.
Бегут - и где они? - (и) снежные сугробы
В пустынях занесли следы безумной злобы.
Так, Петр! ты завещал свой дух сынам побед,
И уstraшенный враг зрел многие Полтавы.
Питомец твой, громов метатель двоеглавый,
На поприще твоём расширил свой полет.
Рымникский пламенный и Задунайский твердый!
Вас здесь согражданин почитит улыбкой гордой.

Но жатвою ль одной меча страна богата?
Одних ли громких битв здесь след запечатлен?
Иные подвиги, к иным победам ревность
Поведаёт нам глас красноречивых стен, -
Их юная краса затмить успела древность.
Искусство здесь везде вело с природой брань
И торжество свое везде знаменовало;
Могущество ума - мятеж стихий смиряло,
И мысль, другой Алкид, с трудов взыскала дань.

Ко славе из пелен Россия возмужала
И из безвестной тьмы к владычеству прешла.
Так ты, о дочь ее, как манием жезла,
Честь первенства, родясь в столицах, восприяла.
Искусства Греции и Рима чудеса -
Зрят с дивом над собой полночны небеса.
Чертоги кесарей, сады Семирамиды,
Волшебны острова Делоса и Киприды!
Чья смелая рука совокупила вас?
Чей повелительный, назло природе, глас
Содвинул и повлек из дикия пустыни
Громады вечных скал, чтоб разостлать твердыни
По берегам твоим, рек северных глава,
Великолепная и светлая Нева?
Кто к сим берегам склонил торговли алчной крылья
И стаи кораблей, с дарами изобилья,
От утра, вечера и полдня к нам пригнал?
Кто с древним Каспием Бельт юный сочетал?
Державный, дух Петра и ум Екатерины
Труд медленных веков свершили в век единый.
На Юге меркнул день - у нас он рассветал.
Там предрассудков меч и светоч возмущенья
Грозились ринуть в прах святыню просвещенья.
Убежищем ему был Север, и когда
В Европе зарево крамол зажгла вражда
И древний мир вспылал, склонясь печальной выей, -
Дух творческий парил над юною Россией
И мощно влек ее на подвиг бытия.
Художеств и наук блестящая семья
Отечеством другим признала нашу землю.
Восторгом смелый путь успехов их объемлю
И на рассвете зрю лучи златого дня.
Железо, покорясь влиянию огня,
Здесь легкостью дивит в прозрачности ограды,
За коей прячется и смотрит сад прохлады.
Полтавская рука сей разводила сад!
Но что в тени его мой привлекает взгляд?
Вот скромный дом, ковчег воспоминаний славных!
Свидетель он надежд и замыслов державных!
Здесь мыслил Петр об нас. Россия! Здесь твой храм!
О, если жизнь придать бесчувственным стенам
И тайны царских дум извлечь из хладных сводов,
Какой бы мудрости тот глас отзывом был,
Каких бы истин гром незапно поразил
Благоговейный слух властителей народов!
Там зодчий, сиясь путь бессмертию простерть,
Возносит дерзостно красивые громады.
Полночный Апеллес, обманывая взгляды,

Дарует кистью жизнь, обезоружив смерть.
Ваятели, презрев небес ревнивых мщенье,
Вдыхают в вещество мысль, чувство и движенье.
Природу испытав, Невтонов ученик
Таинственных чудес разоблачает лик
Иль с небом пламенным в борьбе отъемлет, смелый.
Из гневных рук богов молниеносны стрелы!
Мать песней, смелая царица звучных дум,
Смягчает дикий нрав и возвышает ум.
Здесь друг Шувалова воспел Елисавету,
И, юных русских муз блистательный рассвет,
Его счастливее - как русский и поэт -
Екатеринин век Державин предал свету.
Минервы нашей ум Европу изумлял:
С успехом равным он по свету рассылал
Приветствие в Ферней, уставы самоедам
Иль на пути в Стамбул открытый лист победам,
Полсветом правила она с берегов Невы
И утомляла глас стоустныя молвы.
Блестящий век! И ты познал закат условный!
И твоего певца уста уже безмолвны!
Но нам ли с завистью кидать ревнивый взгляд
На прошлые лета и славных действий ряд?
Наш век есть славы век, наш царь - любовь вселенной!
Земля узрела в нем небес залог священный,
Залог благих надежд, залог святых наград!
С народов сорвал он оковы угнетенья,
С царей снимает днесь завесу заблужденья,
И с кроткой мудростью свой соглася язык,
С престола учит он народы и владык;
Уж зреет перед ним бессмертной славы жатва! -
Счастливый вождь тобой счастливых россиян!
В душах их раздалась души прекрасной клятва:
Петр создал подданных, ты образуй граждан!
Пускай уставов дар и оных страж - свобода.
Обетованный берег великого народа,
Всех чистых доблестей распустит семена.
С благоговеньем ждет, о царь, твоя страна,
Чтоб счастье давший ей дал и права на счастье!
"Народных бед творец - слепое самовластье", -
Из праха падших царств сей голос восстает.
Страстей преступных мрак проникнувши глубоко,
Закон зоркий взгляд над царствами блюдет,
Как провидения недремлющее око.
Предвижу: правды суд - страх сильных, слабых щит -
Небесный приговор земле благовестит.
С чела оратая сотрется пот неволи.
Природы старший сын, ближайший братьев друг

Свободно проведет в полях наследный плуг,
И светлых нив простор, приют свободы мирной,
Не будет для него темницею обширной.
Как искра под золой, скрывая б^гтск и жар,
Мысль смелая, богов неугасимый дар,
Молчанья разорвет постыдные оковы.
Умы воспламенит ко благу пламень новый.
К престолу истина пробьет отважный ход.
И просвещение взаимной пользы цепью
Тесней соединит владыку и народ.
Присутствую мечтой торжеств великолепью,
Свободный гражданин свободная земли!
О царь! Судьбы своей призванию внемли.
И Александров век светилом незакатным
Торжественно взойдет на русский небосклон,
Приветствуя, как друг, сияньем благодатным
Грядущего еще не пробужденный сон.

Август 1818 - август 1819

Первый снег

(В 1817-м году)

Пусть нежный баловень полуденной природы,
Где тень душистее, красноречивей воды,
Улыбку первую приветствует весны!
Сын пасмурных небес полуночной страны,
Обыкший к свисту вьюг и реву непогоды,
Приветствую душой и песнью первый снег.
С какою радостью нетерпеливым взглядом
Волнующихся туч ловлю мятежный бег,
Когда с небес они на землю веют хладом!
Вчера еще стенал над онемевшим садом
Ветр скучной осени и влажные пары
Стояли над челом угрюмый горы
Иль мглой волнистою клубилися над бором.
Унынье томное бродило тусклым взором
По рощам и лугам, пустеющим вокруг.
Кладбищем зрелся лес; кладбищем зрелся луг.
Пугалище дриад, приют крикливых вранов,
Ветвями голыми махая, древний дуб
Чернел в лесу пустом, как обнаженный труп,
И воды тусклые, под пеленой туманов,
Дремали мертвым сном в безмолвных берегах.
Природа бледная, с унылостью в чертах,
Поражена была томлением кончины.
Сегодня новый вид окрестность приняла

Как быстрым манием чудесного жезла;
Лазурью светлую горят небес вершины;
Блестящей скатертью подернулись долины,
И ярким бисером усеяны поля.
На празднике зимы красуется земля
И нас приветствует живительной улыбкой.
Здесь снег, как легкий пух, повис на ели гибкой;
Там, темный изумруд посыпав серебром,
На мрачной сосне он разрисовал узоры.
Рассеялись пары, и засверкали горы,
И солнца шар вспылал на своде голубом.
Волшебницей зимой весь мир преобразован;
Цепями льдистыми покорный пруд окован
И синим зеркалом сровнялся в берегах.
Забавы ожили; пренебрегая страх,
Сбежались смельчаки с берегов толпой игривой
И, празднуя зимы ожидаемый возврат,
По льду свистящему кружатся и скользят.
Там ловчих полк готов; их взор нетерпеливый
Допрашивает след добычи торопливой, -
На бегство робкого нескромный снег донес;
С неволи спущенный за жертвой хищный пес
Вверяется стремглав предательскому следу,
И довершает нож кровавую победу.
Покинем, милый друг, темницы мрачный кров!
Красивый выходец кипящих табунов,
Ревнуя на бегу с крылатоногой ланью,
Топоча хрупкий снег, нас по полю помчит.
Украшен твой наряд лесов сибирских данью,
И соболю на тебе чернеет и блестит.
Презрев мороза гнев и тщетные угрозы,
Румяных щек твоих свежей алеют розы
И лилия свежей белеет на челе.
Как лучшая весна, как лучшей жизни младость,
Ты улыбаешься утешенной земле.
О, пламенный восторг! В душе блеснула радость,
Как искры яркие на снежном хрустале.
Счастлив, кто испытал прогулки зимней сладость!
Кто в тесноте саней с красавицей молодой,
Ревнивых не боясь, сидел нога с ногой,
Жал руку, нежную в самом сопротивленье,
И в сердце девственном впервые любви смятенья,
И думу первую, и первый вздох зажег,
В победе сей других побед прияв залог.
Кто может выразить счастливых упоенье?
Как вьюга легкая, их окриленный бег
Браздами ровными прорезывает снег
И, ярким облаком с земли его взвевая,

Сребристой пылью окидывает их.
Стеснилось время им в один крылатый миг.
По жизни так скользит горячность молодая
И жить торопится и чувствовать спешит!
Напрасно прихотям вверяется различным;
Вдаль увлекаема желаньем безграничным,
Пристанища себе она нигде не зрит.
Счастливые лета! Пора тоски сердечной!
Но что я говорю? Единый беглый день,
Как сон обманчивый, как привиденья тень,
Мелькнув, уносишь ты обман бесчеловечный!
И самая любовь, нам изменив, как ты,
Приводит к опыту безжалостным уроком
И, чувства истощив, на сердце одиноком
Нам оставляет след угаснувшей мечты.
Но в памяти души живут души утраты.
Воспоминание, как чародей богатый,
Из пепла хладного минувшее зовет
И глас умолкшему и праху жизнь дает.
Пусть на омытые луга росой денницы
Красивая весна бросает из кошницы
Душистую лазурь и свежий блеск цветов;
Пусть, растворяя лес очарованьем нежным,
Влечет любовников под кровом безмятежным
Предаться тихому волшебству сладких снов! -
Не изменю тебе воспоминаньем тайным,
Весны роскошныя смиренная сестра!
О сердца моего любимая пора!
С тоскою прежнею, с волненьем обычайным,
Клянусь платить тебе признательную дань;
Всегда приветствовать тебя сердечной думой,

О первенец зимы, блестящей и угрюмой!
Снег первый, наших нив о девственная ткань!

Ноябрь 1819

Уныние

Уныние! Вернейший друг души!
С которым я делю печаль и радость,
Ты легким сумраком мою одело младость,
И расцвела весна моя в тиши.

Я счастье знал, но молнией мгновенной
Оно означило туманный небосклон,
Его лишь взвидел взор, блистаньем ослепленный,

Я не жалел о нем: не к счастью я рожден.

В душе моей раздался голос славы:
Откликнулась душа волнением на призыв;
Но, силы испытав, я дум смирил порыв,
И замерли в душе надежды величавы.

Не оправдала ты честолюбивых снов,
О слава! Ты надежд моих отвергла клятву,
Когда я уповал пожать бессмертья жатву
И яркою браздой прорезать мглу веков!

Кумир горящих душ! Меня не допустила
Судьба переступить чрез твой священный праг,
И, мой пожравшая уединенный прах,
Забвеньем зарастет безмолвная могила.

Но слава не вотще мне голос подала!
Она вдохнула мне свободную отвагу,
Святую ненависть к бесчестному зажгла -
И чистую любовь к изящному и благу.

Болтливые молвы не требуя похвал,
Я подвиг бытия означил тесным кругом;
Пред алтарем души в смиренье клятву дал:
Тирану быть врагом и жертве верным другом.

С улыбкою любви, в венках из свежих роз,
На пир роскошества влекли меня забавы;
Но сколько в нектар их я пролил горьких слез,
И чаша радости была сосуд отравы.

Унынье! Всё с тобой крепило мой союз:
Неверность льстивых благ была мне поученьем;
Ты сблизило меня с полезным размышленьем
И привело под сень миролюбивых муз.

Сопутник твой, сердечных ран целитель,
Труд, благодатный труд их муки усыпил.
Прошедшего - веселый искупитель!
Живой источник новых сил!

Всё изменило мне! Ты будь не безответен!
С утраченным мое грядущее слилось;
Грядущее со мною разочлось,
И новый иск на нем мой был бы тщетен.

Сокровищницу бытия

Я истощил в одном незрелом ощущенье,
Небес изящное наследство прожил я
В неполном темном наслажденье.

Наследство благ земных холодным оком зрю.
Пойду ль на поприще позорных состязаний
Толпы презрительной соперником, в бою
Оспоривать успех, цель низких упований?

В победе чести нет, когда бесчестен бой.
Раскройте новый круг, бойцов сзовите новых,
Пусть лавр, не тронутый корыстной рукой,
Пусть мета высшая самих венков лавровых

Усердью чистому явит достойный дар!
И честолюбие, источник дел высоких,
Когда не возмущен грозой страстей жестоких,
Вновь пламенной струей прольет по мне свой жар.

Но скройся от меня, с коварным обольщеньем,
Надежд несбыточных испытанный обман!
Почто тревожишь ум бесплодным сожаленьем
И разжигашь ты тоску заснувших ран?

Унынье! с коим я делю печаль и радость,
Единый друг обманутой души,
Под сумраком твоим моя угасла младость,
Пускай и полдень мой прокрадется в тиши.

1819

Послание к <Тургеневу> с пирогом

Из Пёриге гость жирный и душистый,
Покинутый судьбы на произвол,
Ступай, пирог, к брегам полночи льдистой!
Из мест, где Ком имеет свой престол
И на народ взирает благосклонней,
Где дичь вкусней, и трюфли благовонней,
И пьяный Вакх плодит роскошный дол...
Иль, отложив балясы стихотворства
(Ты за себя сам ритор и посол),
Ступай, пирог, к Т<ургеневу> на стол,
Достойный дар и дружбы и обжорства!
А ты, дитя, не тех угрюмых школ,
Где натошак воспитанный рассудок
К успехам шел через пустой желудок,

Но лучших школ прилежный ученик;
Ты, ревностный последник Эпикуру;
Ты, уголок между почетных книг
Оставивший поварни трубадуру,
Который нам за лакомым столом
Искусство есть преподавал стихом
И, своего исполненный предмета,
Похитил лавр обжоры и поэта, -
Ты, друг, прими в знак дружбы мой пирог,
Как древле был приемлем хлеб с солонкой.
Друзей сзови; но двери на замок
От тех гостей, которых запах тонкой,
Издалека пронюхав сочный дух,
И навыком уж изощренный слух,
Прослышавши позывный звон тарелок,
Ведут к столу, - вернее лучших стрелок
Лицо их, в дверь явясь как на заказ,
Вам говорит, который в доме час.
Честь велика, когда почетный барин
К нам запросто приходит есть хлеб-соль,
Но за столом нас от честей уволь:
Незванный гость досадней, чем татарин.
В пословицах народов ум живет,
А здесь и ум обеденных Солонов.
В гостиных нас закон приличий жмет,
Но за столом, чужд ига, враг забот,
Бросаю цепь стеснительных законов.
Чиновный гость иль приторный сосед
Вливает яд в изящнейший обед.
Нет! нет! Прошу, мне в честь и благодарность,
Одних друзей сзови на мой пирог:
Прочь знатного вряля высокопарность
И подлеца обсахаренный слог!
Пусть старшинством того почтит пирушка,
У коего всегда порожней кружка
И с языка вздор острый, без затей,
Как блески искр, срывается быстрей.
Ему воздай отличие верховно;
Но не деспот, а общества глава
Над обществом пусть царствует условно
И делит с ним законные права.
Пусть, радуясь его правленью, каждый
Покорностью почтит властей дележ
И в свой черед балует прихоть жажды
И языка болтливого свербеж.
Уже мечтой я заседаю с вами,
Я мысленно перелетаю даль:
Я вижу свой прибор между друзьями;

Вином кипит сияющий хрусталь.
Пусть сбудется воображенья шаль;
Пусть поживлюсь мечтательной поимкой,
Когда судьбы жестокий приговор,
Мне вопреки, лишь только невидимкой
Дает присесть за дружеский прибор.
Но тот, кому я близок и заочно,
Пусть будет есть и пить за трезвый дух;
Нельзя умней придумать и нарочно:
Т<ургенев> мой, ты будешь есть за двух!

6 января 1820
Варшава

Негодование

К чему мне вымыслы? К чему мечтанья мне
И нектар сладких упоений?
Я раннее прости сказал младой весне,
Весне надежд и заблуждений!
Не осушив его, фиал волшебств разбил;
При первых встречах жизнь в обманах обличил
И призраки принес в дань истине угрюмой;
Очарованья цвет в руках моих поблек,
И я сорвал с чела, наморщенного думой,
Бездушных радостей венки.
Но, лстивых лжебогов разоблачив кумиры,
Я правде посвятил свой пламенный восторг;
Не раз из непреклонной лиры
Он голос мужества исторг.
Мой Аполлон - негодование!
При пламени его с свободных уст моих
Падет бесчестное молчанье
И загорится смелый стих.
Негодование! Огонь животворящий!
Зародыш лучшего, что я в себе храню,
Встревоженный тобой, от сна встаю
И, благородною отвагою кипящий,
В волненье бодром познаю
Могущество души и цену бытию.
Всех помыслов моих виновник и свидетель,
Ты от немой меня бесчувственности спас;
В молчанье всех страстей меня твой будит глас:
Ты мне и жизнь и добродетель!
Поклонник истины в лета,
Когда мечты еще приятны, -
Взывали к ней мольбой и сердце и уста,

Но ветер разносил мой глас, толпе невнятный.
Под знаменем ее владычествует ложь;
Насильством прихоти потоптаны уставы;
С ругательным челом бесчеловечной славы
Бесстыдство председит в собрании вельмож.
Отцов народов зрел, господствующих страхом,
Советницей владык - губительную лесть;
Почетную главу посыпав скорбным прахом,
Я зрел: изгнанницей поруганную честь,
Доступным торжищем - святыню правосудья,
Служенье истины - коварства торжеством,
Законы, правоты священные орудья, -
Щитом могущему и слабому ярмом.
Зрел промышляющих спасительным глаголом,
Ханжей, торгующих учением святым,
В забвенье бога душ - одним земным престолом
Кающихся трепетно, одним богам земным.
Хранители казны народной,
На правый суд сберитесь вы;
Ответствуйте: где дань отчаянной вдовы?
Где подать сироты голодной?
Корыстною рукой заграбил их разврат.
Презрев укор людей, забыв небес угрозы,
Испили жадно вы среди пиршеских прохлад
Кровавый пот труда и нищенские слезы;
На хищный ваш алтарь в усердии слепом
Народ имущество и жизнь свою приносит;
Став ваших прихотей угодливым рабом,
Отечество от чад вам в жертву жертвы просит.
Но что вам? Голосом алкающих страстей
Месть вопиющую вы дерзко заглушили;
От стрел раскаянья златым щитом честей
Ожесточенную вы совесть оградили.
Дни ваши без докук и ночи без тревог.
Твердыней, правде неприступной,
Надменно к облакам вознесся ваш чертог,
И непорочность, зря дней ваших блеск преступный,
Смущаясь, говорит: "Где ж он? Где ж казни бог?
Где ж судия необольстимый?
Что ж медлит он земле суд истины изречь?
Когда ж в руке его заблещет ярый меч
И поразит порок удар неотвратимый?"
Здесь у подножья алтаря,
Там у престола в вышнем сани
Я вижу подданных царя,
Но где ж отечества граждане?
Для вас отечество - дворец,
Слепые властолюбья слуги!

Уступки совести - заслуги!
Взор власти - всех заслуг венец!
Нет! нет! Не при твоём, отечество! зеркале
На жизнь и смерть они произнесли обет:
Нет слез в них для твоих печалей,
Нет песней для твоих побед!
Им слава предков без преданий,
Им нем заветный гроб отцов!
И колыбель твоих сынов
Им не святыня упований!
Ищу я искренних жрецов
Свободы, сильных душ кумира -
Обширная темница мира
Являет мне одних рабов.
О ты, которая из детства
Зажгла во мне священный жар,
При коей сносны жизни бедства,
Без коей счастье - тщетный дар, -
Свобода! пылким вдохновеньем,
Я первый русским песнопеньем
Тебя приветствовать дерзал
И звучным строем песней новых
Будил молчанье скал суровых
И слух ничтожных устрашал.
В век лучший вознесясь от мрачной сей юдоли,
Свидетель нерожденных лет -
Свободу пел одну на языке неволи,
В оковах был я, твой поэт!
Познают песнь мою потомки!
Ты свят мне был, язык богов!
И лиры гордые обломки
Переживут венцы льстецов!
Но где же чистое горит твое светило?
Здесь плавает оно в кровавых облаках,
Там бедственным его туманом обложило,
И светится едва в мерцающих лучах.
Там нож преступный изуверства
Алтарь твой девственный багрит;
Порок с улыбкой дикой зверства
Тебя злодействами честит.
Здесь власть в дремоте закоснелой,
Даров небесных лютый бич,
Грозит цепями и мысли смелой,
Тебя дерзающей постичь.
Здесь стадо робкое ничтожных
Витии поучений ложных
Пугают именем твоим;
И твой сообщник - просвещение

С тобой, в их наглom ослепленье,
Одной секирою разим.
Там хищного господства страсти
Последнею уловкой власти
Союз твой гласно признают,
Но под щитом твоим священным
Во тьме народам обольщенным
Неволи хитрой цепь куют.
Свобода! О младая дева!
Посланница благих богов!
Ты победишь упорство гнева
Твоих неистовых врагов.
Ты разорвешь рукой могущей
Насильства бедственный устав
И на досках судьбы грядущей
Снесешь нам книгу вечных прав,
Союз между граждан и тронem,
Вдохнешь в царей ко благу страсть,
Невинность примиришь с законом,
С любовью подданного - власть.
Ты снимешь роковую клятву
С чела, поникшего земле,
И пахарю осветишь жатву,
Темнеющую в рабской мгле.
Твой глас, будитель изобилья,
Нагие степи утучнит,
Промышленность распустит крылья
И жизнь в пустыне водворит;
Невежество, всех бед виновник,
Исчезнет от твоих лучей,
Как ночи сумрачный любовник
При блеске утренних огней.
Он загорится, день, день торжества и казни,
День радостных надежд, день горестной боязни!
Раздастся песнь побед вам, истины жрецы,
Вам, други чести и свободы!
Вам плач надгробный! вам, отступники природы!
Вам, притеснители! вам, низкие льстецы!
Но мне ли медлить? Их и робкую их братью
Карающим стихом я ныне поражу;
На их главу клеймо презренья положу
И обреку проклятью.
Пусть правды мстительный Перун
На терпеливом небе дремлет,
Но мужественный строй моих свободных струн
Их совесть ужасом объемлет.
Пот хладный страха и стыда
Пробьет на их челе угрюмом,

И честь их распадется с шумом
При глазе правого суда.
Страж пепла их, моя недремлющая злоба
Их поглотивший мрак забвенья разорвет
И, гневною рукой из недр исхитив гроба,
Ко славе бедственной их память прикует.

Ноябрь 1820

*** * * («Во имя хартии, свободы...»)**

Во имя хартии, свободы,
Всего, чего у нас не та, {*}
{* Нет (польск.). - Ред.}
Что у людей одной породы
Зовется: наших дней чума,
Сей табакеркой либеральной
Я нос ваш антифеодальный
Хочу потешить и почтить.
Вам нечего себя лечить;
Но впрок ее употребляйте,
Молю я вас самим Христом,
Набив гишпанским табаком,
Вы нюхать из нее давайте:
Всем староверческим носам
Невежественного раскола
И званья всякого и пола;
Всем двигающимся мощам
Сената, Английского клоба;
Всем губернаторам и виц,
Всем баричам в бегах из гроба
Иль из Обуховских больниц;
Всем представительным витиям
Всех предрассудков двух столиц;
Всем мелкотравчатым Батыям,
Крещеным нехристям; врагам
Завоеваний мысли смелой;
Друзьям привычки закоснелой:
Всем Траверсе по письмам
И всем Антонским по Совету;
Всем государственным совам,
Хранящим злость к дневному свету,
Всем государственным столбам
Одервенелым в министерстве;
Всем государственным чинам,
Обабившимся в кавалерстве
И помрачившихся в звездах;

Всем государственным лакеям;
Всем первоклассным фалалеям
На государственных местах.
Попробуйте. Благим влияньем
Свершится чудо, может быть:
Авось удастся осветить,
Авось целительным чиханьем
Удастся их очистить мозг,
Который страх как сух и плоск
И страх как завалился сором.
Вы, кои мозговым запором
Совсем утратили чутье
И онемевшее бытье
Волочите под приговором
Судьбы, не слушающей нас:
О, отчихните в добрый час
Всю дрянь, что накопилась в вас,
И мы вам "Здравствуй!" грянем хором.

Ноябрь 1820
Варшава

Нарвский водопад

Несись с неукротимым гневом,
Мятежной влаги властелин!
Над тишиной окрестной ревом
Господствуй, бурный исполин!

Жемчужного, кипящей лавой,
За валом низвергая вал,
Сердитый, дикий, величавый,
Перебегай ступени скал!

Дождь брызжет от упорной сшибки
Волны, сразившейся с волной,
И влажный дым, как облак зыбкий,
Вдали их представляет бой.

Всё разъяренной, всё угрюмой
Летит, как гений непогод;
Я мыслью погружаюсь в шуме
Междоусобно-бурных вод.

Но как вокруг всё безмятежно
И, утомленные тобой,
Как чувства отдыхают нежно,

Любуясь сельской тишиной!

Твой ясный берег чужд смятенью,
На нем цветет весны краса,
И вместе миру и волненью
Светлеют те же небеса.

Но ты, созданье тайной бури,
Игралище глухой войны,
Ты не зеркало их лазури.
Вотще блестящей с вышины.

Противоречие природы,
Под грозным знаменем тревог,
В залоге вечной непогоды
Ты бытия приял залог.

Ворвавшись в сей предел спокойный,
Один свирепствуешь в глуши,
Как вдоль пустыни вихорь знойный,
Как страсть в святилище души.

Как ты, внезапно разразится,
Как ты, растет она в борьбе,
Терзает лоно, где родится,
И поглощается в себе.

Лето 1825
Ревель. Екатериненталь

Море

Как стаи гордых лебедей,
На синем море волны блещут,
Лобзаются, ныряют, плещут
По стройной прихоти своей.
И упивается мой слух
Их разговором необычным,
И сладко предается дух
Мечтам, пленительным и тайным.

Так! Древности постиг теперь
Я баснословную святыню:
О волны! Красоты богиню
Я признаю за вашу дочь!
Так, верю: родилась она
Из вашей колыбели зыбкой

И пробудила мир от сна
Своею свежею улыбкой.

Так, верю: здесь явилась ты,
Очаровательница мира!
В прохладе влажного сафира,
В стихии светлой чистоты.
Нам чистым сердцем внушены
Прекрасных таинств откровенья:
Из лона чистой глубины
Явилась ты, краса творенья.

И в наши строгие лета,
Лета существенности лютой,
При вас одних, хотя минутой,
Вновь забывается мечта!
Не смели изменить века
Ваш образ светлый, вечно юный,
Ни смертных хищная рука,
Ни рока грозного перуны!

В вас нет следов житейских бурь,
Следов безумства и гордыни,
И вашей девственной святыни
Не опозорена лазурь.
Кровь ближних не дымится в ней;
На почве, смертным непослушной,
Нет мрачных знамений страстей,
Свирепых в злобе малодушной.

И если смертный возмутит
Весь мир преступною отвагой,
Вы очистительного влагой
Спешите смыть мгновенный стыд.
Отринутый из чуждых недр,
Он поглощаем шумной бездной;
Так пятна облачные ветр
Сметает гневно с сени звездной!

Людей и времени раба,
Земля состарилась в неволе;
Шутя ее играют долей
Владыки, веки и судьба.
Но вы всё те ж, что в день чудес,
Как солнце первое в вас пало,
О вы, незыблемых небес
Ненарушимое зеркало!

Так и теперь моей мечте
Из лона зеркальной пустыни
Светлеет лик молодой богини
В прозрачно-влажной красоте.
Вокруг нее, как радуг блеск,
Вершины волн горят игривей,
И звучный ропот их и плеск
Еще душе красноречивей!

Над ней, как звезды, светят сны,
Давно померкшие в тумане,
Которые так ясно ране
Горели в небе старины.
Из волн, целующих ее,
Мне веют речи дивной девы;
В них слышно прежнее бытие,
Как лет младенческих напевы.

Они чаруют и целят
Тоску сердечного недуга;
Как мировое слово друга,
Все чувства меж собой мирят.
В невыразимости своей
Сколь выразителен сей лепет:
Он пробудил в душе моей
Восторгов тихих сладкий трепет.

Как звучно льнет зефир к струнам,
Играя арфою воздушной,
Так и в душе моей послушной
Есть отзыв песням и мечтам.
Волшебно забывает ум
О настоящем, мысль гнетущем,
И в сладострастье стройных дум
Я весь в протекшем, весь в грядущем.

Сюда, поэзии жрецы!
Сюда, существенности жертвы!
Кумиры ваши здесь не мертвы,
И не померкли их венцы.
Про вас поэзия хранит
Свои преданья и поверья;
И здесь, где море вам шумит,
Святыни светлыя преддверья!

Лето 1826

Русский бог

Нужно ль вам истолкованье,
Что такое русский бог?
Вот его вам начертанье,
Сколько я заметить мог.

Бог метелей, бог ухабов,
Бог мучительных дорог,
Станций - тараканьих штабов,
Вот он, вот он русский бог.

Бог голодных, бог холодных,
Нищих вдоль и поперек,
Бог имений недоходных,
Вот он, вот он русский бог.

Бог грудей и <...> отвислых,
Бог лаптей и пухлых ног,
Горьких лиц и сливок кислых,
Вот он, вот он русский бог.

Бог наливок, бог рассолов,
Душ, представленных в залог,
Бригадирш обоих полов,
Вот он, вот он русский бог.

Бог всех с анненской на шеях,
Бог дворовых без сапог,
Бар в санях при двух лакеях,
Вот он, вот он русский бог.

К глупым полн он благодати,
К умным беспощадно строг,
Бог всего, что есть некстати,
Вот он, вот он русский бог.

Бог всего, что из границы,
Не к лицу, не под итог,
Бог по ужине горчицы,
Вот он, вот он русский бог.

Бог бродяжных иноземцев,
К нам зашедших за порог,
Бог в особенности немцев,
Вот он, вот он русский бог.

К ним

За что служу я целью мести вашей,
Чем возбудить могу завистливую злость?
За трапезой мирской, непразднуемый гость,
Не обойден ли я пирующею чашей?
Всмотритесь, истиной прочистите глаза:
Она утешит вас моею наготою,
Быть может, язвами, которыми гроза
Меня прожгла незримою стрелою.

И что же в дар судьбы мне принесли?
В раскладке жребиев участок был мне нужен.
Что? Две-три мысли, два-три чувства, не из дюжин,
Которые в ходу на торжищах земли,
И только! Но сей дар вам не был бы по нраву,
Он заколдован искони;
На сладость тайную, на тайную отраву
Ему подвластные он обрекает дни.

Сей дар для избранных бывает мздой и казнью,
Его ношу в груди, болящей от забот,
Как мать преступная с любовью и боязнью
Во чреве носит тайный плод.
Еще до бытия приял, враждой закона,
Он отвержения печать;
Он гордо ближними от их отринут лона,
Как бытия крамольный тать.

И я за кровный дар перед толпой краснею,
И только в тишине и скрытно от людей
Я бремя милое лелею
И промысл за него молю у алтарей.
Счастливыцы! Вы и я, мы служим двум фортунам.
Я к вашей не прошусь; моя мне зарекла
Противопоставлять волненью и перунам
Мир чистой совести и хладный мир чела.

1828 или 1829